

Сожительство наций

Писать настоящую статью приходится в дни, когда весь мир застыл в величайшем напряжении перед непосредственной угрозой всеобщего разрушения и убийства. Каковы бы ни были скрыты в глубинах причины событий — конфликт силы и права, борьба за мировую гегемонию — все же человечество оказалось на пороге катастрофы, из-за вопроса о национальной судьбе маленькой группы людей, во много раз меньшей числом, чем та, кому суждено быть убитыми и искалеченными в случае войны. Къ тому времени, когда эта статья будет напечатана, проблема окажется такъ или иначе разрешенной, или же решение ея будет предоставлено военному счастью. Но чешско-судетский конфликт примѣчателен не только по опасностям, которыя къ нему кроются, а еще и потому, что въ его развитіи, длящемся уже нѣсколько мѣсяцевъ, съ предѣльной остротой поставленъ, передъ всѣмъ міромъ, одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современности: что такое нація, въ чемъ сущность национальныхъ правъ, и при какихъ условіяхъ люди разныхъ національностей могутъ жить въ одномъ государствѣ.

Съ внѣшней стороны, весь споръ, начиная съ апрѣльскихъ «восемь Карлсбадскихъ условій», и до послѣднихъ дней (середина сентября: рѣчь Гитлера, свиданіе съ Чемберленомъ), кажется однимъ длительнымъ торгомъ.

Одна сторона выставляетъ извѣстные требованія; другая — принимаетъ нѣкоторыя изъ нихъ, потому еще кое-какія, наконецъ, почти всѣ; казалось бы, створъ вотъ-вотъ будетъ достигнутъ, но въ это время первая сторона выдвигаетъ новыя, еще болѣе крайнія требованія, и торгъ продолжается.

Однако это впечатлѣніе торга, сближенія и удаленія позиций — поверхностно и ошибочно. Въ дѣйствительности, обѣ стороны съ самаго начала исходятъ изъ совершенно различныхъ концепцій, находятся въ разныхъ плоскостяхъ: въ разныхъ плоскостяхъ онѣ и продолжаютъ маневрировать, такъ что никакого реального соприкосновения или хотя бы относительнаго сближенія получиться не можетъ. Въ основѣ конфликта лежитъ непримиримая противоположность міровоззрѣній.

Дѣйствительно, что есть нація съ индивидуалистической («демократической») точки зрѣнія? Совокупность людей, объединенныхъ общностью извѣстныхъ признаковъ. Безполезно вступать въ старыя, запутанные и ненабывные споры о томъ, каковы эти признаки. Ограничиваться-ли по Ренану «сознаніемъ», спускаться-ли въ области филологій, этнографіи, антропологій, все равно, въ такой концепціи нація всегда лишь конкретная совокупность индивидовъ. Интересъ этихъ людей, связанный съ принадлежностью къ извѣстной національности, и требующій правовой защиты,

ты, можетъ очевидно заключаться въ томъ, чтобы при всѣхъ обстоятельствахъ жизни пользоваться своимъ роднымъ языкомъ; въ томъ-же языкѣ воспитывать своихъ дѣтей; при этомъ безпрепятственно заниматься профессиональной дѣятельностью, имѣть доступъ къ государственнымъ и общественнымъ должностямъ и т. дал.

Напротивъ, съ точки зрѣнія коллективистической («тоталитарной») націи есть ничто соебъ другое: общность, живое существо, стоящее надъ индивидами и всецѣло поглощающее ихъ. Национальныя права отдѣльныхъ людей сами по себѣ не имѣютъ значенія: они существенны лишь постольку, поскольку служатъ на благо цѣлаго, т. е. націи, высшій интересъ и высшее право которой заключается въ ея цѣлокупности и въ возможности самой суверенно определять свою судьбу.

Эта вторая концепція и была съ самаго начала выдвинута вождями судетской партіи. Отсюда пресловутое требованіе (въ Карлсбадскихъ «условіяхъ»), о признаніи судетскаго меньшинства личностью; пунктъ, который казался туманнымъ, и дѣйствительно является таковымъ, если къ нему подходить съ индивидуалистическимъ мировоззрѣніемъ, — съ точки же зрѣнія тоталитарной въ немъ конечно вся суть. Такимъ образомъ, обѣ позиціи, по существу своему несогласуемыя, опредѣлились съ момента возникновенія конфликта. Тактическая уловка, и при томъ соебъ нехитрая, заключалась лишь въ томъ, что вначалѣ судетскіе нѣмцы условно разсматривались, какъ нація, т. е. всеобъемлющій коллективъ.

въ послѣдствіи-же естественно оказалось, что они представляютъ собой лишь часть истиннаго верховнаго существа — германской націи.

Воспринимая — безъ особыхъ трудностей — почти всѣ требованія судетской партіи, чешское правительство конечно трактовало ихъ индивидуалистически, и не могло поступать иначе. Такъ какъ и безъ того нѣмцы (подобно членамъ другихъ меньшинствъ) вовсе не были въ Чехословакии отверженными существами, а, напротивъ, много лѣтъ участвовали въ правительствѣ республики, то рѣчь должна была идти лишь о дальнѣйшемъ упрощеніи ихъ положенія въ государствѣ. И при индивидуалистической концепціи, вопросъ сводится не къ однимъ только личнымъ правамъ, но и къ формамъ общественной организации, которыя наилучшимъ образомъ могутъ такія права обезпечить. Въ этой-то области государственной техники чехи и вели споръ, постепенно отступая, и выдвигая сперва проекты широкаго мѣстнаго самоуправленія, а затѣмъ и «кантональной» организации страны, т. е. переустройства ея на федеративныхъ основахъ.

По смутнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ могло казаться, будто въ какой-то моментъ переговоровъ все различіе сводилось къ тому, что чехи хотѣли разбить нѣмецкое население между тремя кантонами, а лидеры судетской партіи желали образования единой нѣмецкой земли въ составѣ федерации. Можетъ быть такъ оно и было, и вѣроятно въ этотъ моментъ посредники считали свою миссію почти осуществленной. А между тѣмъ, непримиримое про-

творческие двухъ воззрѣній продолжало существовать, скрываясь въ терминахъ технического спора.

По одной концепции, конечными элементами федеративнаго государства являлись бы его граждане: чехи, нѣмцы, словаки и т. д. Дѣла мѣстной администраціи, школы, культурныхъ учреждений въ кантонахъ и болѣе или менѣе однообразный национальный составъ каждаго кантона должны были способствовать болѣе полному и легкому удовлетворенію соответствующихъ нуждъ населенія; въ обще - государственныхъ же вопросахъ каждый былъ бы гражданиномъ федераціи, независимо отъ своей национальной принадлежности.

При противоположной концепціи, такое устройство просто невозможно. Такъ какъ индивидъ есть лишь часть цѣлаго — націи — и такъ какъ неограниченное и безусловное подчиненіе этому цѣлому есть его первая и священная обязанность, то кантональное правительство приобретаетъ значеніе органа национальной воли, для той національности, которая по преимуществу населяетъ кантонъ. Если люди данной национальности распределяются между нѣсколькими, напр. тремя, кантонами, то каждое изъ трехъ правительствъ будетъ осколкомъ национальной воли, или вѣрнѣе всѣ три должны отражать единую национальную волю, истинный и верховный органъ которой будетъ стоять надъ ними и за ними, въ видѣ единоличнаго вождя, или партійнаго комитета и т. д.

Какъ легко замѣтить, коллективистическое или тоталитарное воззрѣніе въ основѣ своей несовмѣстимо съ идеей федераціи, су-

ность которой заключается въ томъ, что человѣкъ одновременно является гражданиномъ двухъ государствъ: штата (кантона) и союза. Для того, чтобы такое двойное гражданство было возможно, нужно, чтобы ни одинъ изъ коллективовъ не поглощалъ человека цѣликомъ, т. е. чтобы индивидъ оставался мѣрой вещей, послѣдней основой общегитія. Поэтому федеративная форма государства и родилась только въ концѣ XVIII-го вѣка, съ побѣдой индивидуалистическихъ концепцій.

Союзное (федеративное) государство есть непременно государство правовое: связь гражданина съ обоими коллективами (штатомъ и союзомъ) должна быть правовой, юридической связью; только въ этомъ случаѣ объемъ власти каждаго изъ коллективовъ можетъ быть точно опредѣленъ, и двойная дисциплина осуществима. Если же съ однимъ изъ двухъ коллективовъ гражданинъ связанъ мета-юридическимъ отношеніемъ, напр., связью биологической, отношеніемъ части къ цѣлому и т. п., то все построеніе тотчасъ падаетъ.

Если такая мета-юридическая связь устанавливается между гражданами и центральной (федеральной) властью, государство перестаетъ быть федераціей, потому что ея члены (штаты) неизбежно теряютъ самостоятельность и становятся обыкновенными провинціями: такое превращеніе произошло въ Германіи.

Если же подобная связь устанавливается между населеніемъ и кантональными правительствами, федерація перестанетъ существовать, потому что у нея не будетъ гражданъ: они разобьются между

нѣсколькими коллективами, превратившись въ ихъ нераздѣльную часть; вопросы общесоюзные неизбежно должны будутъ рѣшаться по собору между этими коллективами, и при отсутствіи абсолютнаго единодушія по какому-либо вопросу, рѣшеніе станетъ невозможнымъ. Союзное государство (федерация) превратится въ лучший случай въ союзъ государствъ, миниатюру Лиги Наций; у него не можетъ быть ни единой воли, ни органовъ принужденія, ни общей арміи.

Такимъ образомъ, федеративный строй несовмѣстимъ съ коллективистическимъ мировоззрѣніемъ, въ частности съ тоталитарнымъ націонализмомъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что федеративное устройство государства никогда не было (да и не могло быть) средствомъ рѣшенія национальныхъ проблемъ.

Въ этомъ вопросѣ существуютъ недоразумѣнія, длящееся цѣлый вѣкъ; его постоянно разъясняютъ, и никакъ не могутъ разсѣять. Недоразумѣніе особенно усиливается вслѣдствіе одного почти случайнаго обстоятельства: въ Европѣ существуетъ одно единственное государство, въ которомъ мирно уживаются націи, за его предѣлами смертельно враждующія между собой; это государство есть федерация, въ настоящее время единственная въ Европѣ. Отсюда выводъ, напрашивающаяся съ непреодолимой навязчивостью: федеративный принципъ — ключъ къ дружному сожительству націй.

Тысячи разъ уже указывалось, что если въ Швейцаріи нѣтъ национальныхъ конфликтовъ, то фе-

деративный строй не причина этого, а развѣ лишь одна изъ многихъ причинъ, и что во всякомъ случаѣ соотношение между двумя явлениями совсѣмъ не такъ просто, какъ кажется. Швейцарцы постоянно съ насмѣшкой повторяютъ, что если бы ихъ страна состояла изъ кантоновъ нѣмецкаго, французскаго и итальянскаго, то единство не продлилось бы и нѣскольکو мѣсяцевъ. Въ дѣйствительности, изъ 22-хъ кантоновъ десять — и при томъ самыя значительныя — неоднородны по національному составу населенія; 17 изъ 22-хъ неоднородны по религіозному составу. Каждый кантонъ индивидуаленъ, своеобразенъ, но это есть своеобразіе территориально-историческое, а не національное. Границы между кантонами не имѣютъ никакого отношенія къ границамъ национальныхъ и языковыхъ областей. Национальныя различія стоять вообще вне поля зрѣнія государства. Союзная конституція ограничивается тѣмъ, что въ раздѣлѣ объ **организации властей** упоминаетъ: «три главныхъ языка Швейцаріи, нѣмецкій французскій и итальянскій, являются национальными языками союза» (какъ извѣстно, недавно къ нимъ прибавленъ и четвертый, романскій языкъ, нарѣчіе маленькой группы людей въ кантонѣ Граубюнденѣ). Употребленіе этихъ языковъ въ официальныхъ сношеніяхъ, въ школѣ и т. д. отнюдь не связано съ принадлежностью къ какимъ-либо коллективамъ: просто каждый гражданинъ можетъ обращаться къ властямъ на любомъ изъ 4-хъ языковъ; каждая община рѣшаетъ языковой вопросъ въ своихъ школахъ и др.

учреждениях сообразно съ удобствами мѣстных жителей.

Швейцарскій примѣръ, при внимательномъ разсмотрѣнн, подтверждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ положеніе, прямо противоположное тому, которое обыкновенно на немъ основываютъ. Въ дѣйствительности, изъ этого примѣра слѣдуетъ, что государство, хотя бы и федеративное, не можетъ быть построено изъ суммы національныхъ группъ; существованіе многонаціональнаго государства возможно, но именно въ томъ случаѣ, если его граждане формально не разбиты на національныя группы, т. е. если государственная организація не связана съ національною дифференціаціей населенія.

Исторія другихъ федерацій или вовсе не имѣетъ отношенія къ разсматриваемому нами вопросу (напр., Австралія, Новая Зеландія, Аргентина съ ихъ однороднымъ населеніемъ), или же приводитъ, правда, съ гораздо меньшей яркостью, къ тѣмъ же выводамъ (французы и англичане въ Канадѣ и т. п.).

При всей элементарности вышеприведенныхъ положеній, они вовсе не являются общимъ достояніемъ, и въ частности совершенно чужды русскому политическому сознанию. Казалось бы все, что имѣетъ отношеніе къ проблемамъ національности, должно вызывать особый интересъ русскаго общества, потому что задачи, которыя стоятъ передъ Россіей въ этой области, поистинѣ грандіозны, и отъ ихъ рѣшенія болѣе, чѣмъ отъ чего-либо иного, зависитъ будущее страны. А между тѣмъ — нельзя не дивить-

ся, какъ вопреки богатѣйшему государственному, административному опыту, на протяженіи вѣковъ накопленному Имперіей, русская политическая мысль довольствовалась, въ національныхъ вопросахъ, самыми примитивными формулами.

Прежде всего, какъ основная аксіома, не подверженная сомнѣніямъ, воспринималось положеніе, что каждая національность можетъ и должна образовать отдѣльное государство.

Эта истина — французскіе и германскіе истоки которой очевидно — находилась въ явномъ противорѣчн не только съ исторіей, но также съ географіей и демографіей Россіи. Однако, представлялъ ли себѣ кто-нибудь конкретно результаты ея приложенія на русскихъ равнинахъ? Въ теченіе цѣлаго вѣка для русской общественной мысли національный вопросъ покрывался вопросомъ о польско-русской распрѣ, все остальное рисовалось въ самыхъ смутныхъ и фантастическихъ чертахъ. Чего стоятъ одни разсужденія Герцена объ Украинѣ, адресованныя, конечно, не украинцамъ (за отсутствіемъ таковыхъ въ полѣ зрѣнн), а полякамъ:

«Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украина... не захочетъ быть ни польской, ни русской? По моему, вопросъ рѣшается очень просто. Украину слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признать свободной и независимой страной... Пусть они скажутъ свое слово, перешагнуть черезъ кнутъ къ намъ, черезъ патежъ къ вамъ, или, если они умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ

обояхъ. Вотъ потому то я такъ высоко цѣню федерализмъ» (Колоколь, 1859 г., № 34).

И «Федерализмъ» и «независимость», и «братскій союзъ» въ этомъ случаѣ очевидно не имѣютъ точнаго значенія; все расплывается въ общемъ потокѣ оптимистическаго прекраснодушія.

Если такъ пишетъ осторожный и разсудительный Герценъ, то естественно, что ужъ у Бакунина въ національномъ вопросѣ — сплошной хаосъ и декламация. «Хотимъ братскаго и, если возможно, федеративнаго союза съ Польшею, Литвою, Украйною, Прибалтійскими жителями и народами Закавказскаго края» («Романовъ, Пугачевъ или Пестель»). Особенно замѣчательны, конечно, эти прибалтійскіе жители, родъ и званіе которыхъ очевидно Бакунину неизвѣстны, но съ которыми онъ тѣмъ не менѣе хочетъ установить «федеральный», а на худой конецъ просто «братскій» союзъ.

Надо помнить, впрочемъ, что для людей середины прошлаго вѣка, и для Герцена, и для Бакунина, и даже для Драгоманова, вообще для поколѣній, идейно связанныхъ съ революціей 48-го года, существовало внутреннее родство (для насъ уже неуловимое) между идеями національной свободы — братства націй — федерализма — союза свободныхъ общинъ. Даже надъ Драгомановымъ витаетъ тѣнь Прудона, и когда онъ предлагаетъ русскимъ социалистамъ «стремиться къ восточно-европейской интернаціональной федераціи», его проекты явно относятся не къ вышнему, реальному, несовершенному міру, а къ будущему, преобра-

женному въ огнѣ единой и спасительной революціи.

Слѣдующее поколѣніе, съ высоты своего интернаціонализма, просто презирало жалкія національныя проблемы. Впрочемъ, еще въ 1872 г. предшественники русскихъ социаль-демократовъ писали: «Въ будущей федеральной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне малое значеніе, прибавляя къ этому съ прозорливостью, которую мы въ настоящее время особенно должны оцѣнить: «...различіе національностей становится лишь блѣднымъ преданіемъ исторіи» («Впередъ», русское изд. въ Цюрихѣ).

Несмотря на грозное появленіе центробѣжныхъ стремленій въ началѣ XX-го вѣка, русское общество продолжало пребывать въ счастливомъ невѣдѣніи національныхъ проблемъ; для него онѣ попрежнему исчерпывались польскимъ вопросомъ, да еще, пожалуй, вопросомъ еврейскимъ, трактуемымъ въ отвлеченно-этическомъ стилѣ, и преимущественно какъ матеріалъ для борьбы съ режимомъ.

Врядъ ли кто нибудь въ Россіи серьезно становился на точку зрѣнія, высказанную въ 1861 году вѣткимъ «Великоруссомъ»: «Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ себѣ всѣ элементы національнаго могущества*»). Но

*) Прокламация, нелегально выпущенная въ Петербургѣ, и перепечатанная въ «Колоколѣ». Впрочемъ, и самъ «Великоруссъ» высказывалъ это на крайній случай, явно не вѣря въ наступленіе такого случая.

запасъ представлений о формахъ свободнаго существованія многонаціональнаго государства была накануне революціи почти такъ же скудна, какъ и за 60 лѣтъ до того. Прimitивная идея «самоопредѣленія», съ посягающимъ «братскимъ союзомъ» (или безъ него) въ общемъ господствовала по всей линіи.

Эти идеи и опредѣлили конструкцію СССР. Въ національномъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, русскіе коммунисты шли по дѣлѣ наименьшаго сопротивленія, пользуясь готовыми рецептами и принимая на себя роль завершителей и воплоителей столѣтняго революціоннаго движенія.

Принципъ, по которому каждая національность должна быть выдѣлена въ самостоятельную государственную единицу, доведенъ былъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Обитатели Рязани или Калуги, вчера еще недоверчиво улыбавшіеся, читая, будто немцы хотятъ изъ хохловъ сдѣлать государство, теперь узнали о возникновеніи бурятскихъ и башкирскихъ республикъ, о каракалпакскихъ и ойратскихъ автономіяхъ. Слѣдуя данной директивѣ, революціонные чиновники перекраивали страну, сладострастно выискивая малѣйшій признакъ національной дифференціаціи, чтобы тотчасъ зацѣпиться за него.

Такъ возникло чудовищное дѣланіе, по сложности не имѣющее себѣ равныхъ въ мірѣ, многоязычная федерація народовъ и племенъ.

Сложность сама по себѣ не яв-

ляется недостаткомъ, и предпочтительнѣе, чѣмъ искусственная упрощеніе. Эта многостепенная федерація была-бы, можетъ быть, удовлетворительнымъ средствомъ рѣшенія національныхъ проблемъ и опроверженіемъ предшествующихъ выводовъ о невозможности построить государство путемъ суммированія національныхъ группъ, если бы не два существенныхъ возраженія.

Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что зданіе, кажущееся столь импозантнымъ, въ дѣйствительности пустая декорация. Оно держится не силою собственной тяжести, а только благодаря подпоркамъ диктатуры. Что будетъ, если подпорки рухнуть? Надо было бы посмотреть, что станеть съ этими совѣтскими и автономными республиками и областями, если конфликты, ежедневно порождаемые жизнью, придется рѣшать не по указкѣ свыше, а по взаимному створу; свободной игрой политическихъ силъ. Не будетъ ли самая конструкція государства способствовать тому, чтобы каждый спорный вопросъ, социальный, экономическій, административный, переключался въ національную распрю, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями?

Есть и второе возраженіе: какъ ни сложно территориальное распредѣленіе въ СССР, съ его доведеннымъ до абсурда «самоопредѣленіемъ», задача выдѣленія каждой національности въ особую единицу далеко не достигнута, потому что въ Россіи она вообще недостижима.

Возьмемъ нѣсколько цифръ. По переписи 1926 г., въ СССР было

144 милліона населенія, въ томъ числѣ *):

	млн.
русскихъ	84
украинцевъ	28
тюрко-татаръ	5
казаковъ (т. е. киргизъ-кайсаковъ) и киргизовъ	5
бѣлорусовъ	3
грузинъ	2
евреевъ	2
армянъ	1,5
мордвы	1,2
чѣмцевъ	1,2

и т. д. — официальная номенклатура насчитываетъ всего 185 национальностей.

Несмотря на обиліе автономныхъ республикъ и областей и на фантастическое переплетеніе границъ, почти во всѣхъ территорияльных единицахъ зарегистрированы значительныя национальныя меньшинства. Такъ, на положеніи меньшинствъ находится 12,2 милліона русскихъ, изъ коихъ 5,8 милліоновъ живутъ хотя и въ РСФСР, но на территории автономныхъ республикъ и областей, 4,4 милліона въ Украинѣ, 1,2 милліона въ Бѣлоруссіи и т. д.; болѣе четверти всѣхъ украинцевъ (8 милліоновъ) живутъ вне предѣловъ УССР, а въ то же вре-

мя въ УССР — 7 милл. не-украинцевъ; въ Башкирской республикѣ болѣе половины населенія не-башкиры, въ Татарской — болѣе половины не-татары, а между гѣмъ и башкиръ и татаръ сотни тысячъ живутъ на другихъ территорияхъ. Общее-же число людей, находящихся въ положеніи национальныхъ меньшинствъ, т. е. вне своихъ республикъ или автономныхъ областей, достигаетъ въ СССР 29,9 милліоновъ.

Чтобы можно было какъ слѣдуетъ оцѣнить эту цифру, полезно привести слѣдующую справку.

По мирнымъ договорамъ, въ 14 государствахъ Европы (Польша, Лимитрофы, Дунайскій бассейнъ, Балканы) установленъ былъ режимъ международной охраны меньшинствъ. Какъ извѣстно, изъ охраны ничего не получилось, а притязанія и жалобы меньшинствъ напоминаютъ всю исторію послѣднихъ 20-ти лѣтъ и въ настоящее время грозятъ вызвать общую катастрофу. Населеніе этихъ 14-ти государствъ, признанныхъ неблагополучными въ национальномъ отношеніи, достигаетъ примѣрно 120 милліоновъ, изъ которыхъ къ меньшинствамъ принадлежитъ около 30 милліоновъ.

Такимъ образомъ, послѣ безпощаднаго примѣненія въ СССР принципа выдѣленія и разграниченія национальностей, послѣ созданія дѣлаго ряда искусственныхъ и по всей видимости нежизнеспособныхъ — въ нормальныхъ условіяхъ — государственныхъ и полу-государственныхъ единицъ, неразрѣшенный остатокъ национальной проблемы въ Россіи равенъ (по числу непристроенныхъ) суммѣ всѣхъ национальныхъ про-

*) «Народность и родной языкъ населенія СССР», М. 1928. Изданіе ЦСУ СССР. — Всѣ приведенныя цифры относятся къ распределенію населенія по языку: эти данныя представляются мнѣ гораздо болѣе достовѣрными, чѣмъ тѣ, которыя относятся къ распределенію по народности. Впрочемъ, объ серіи цифръ не настолько различны, чтобы въ чемъ либо измѣнились выводы.

блемь въ Европѣ: здѣсь обойде-но 30 милліоновъ изъ 120, тамъ 30 милліоновъ изъ 144. Но въ Европѣ еще продолжаютъ кронтъ и клентъ, а въ Россіи уже некуда дальше идти на этомъ пути. Самый характеръ расселения національностей въ Россіи, исторія ихъ сожительства, свободнаго передвиженія и смѣшенія народныхъ массъ въ предѣлахъ имперіи, дѣлаетъ тщетными попытки установленія твердыхъ территориальныхъ границъ между племенными и языковыми группами.

Возможно, конечно, что послѣ крушенія нынѣшней диктатуры въ Россіи начнутся все же опыты новаго національнаго размежеванія, на этотъ разъ уже всерьезъ, съ цѣлью разбрестись въ разныя стороны изъ вѣкового общаго дома. Острота национальныхъ конфликтовъ въ современномъ мѣрѣ говоритъ за вѣроятіе такой перспективы; она стала бы неизбежной, если бы идеи тоталитарнаго націонализма овладѣли Россіей.

Опасно и слѣпо было бы думать, что такой исходъ катастрофыченъ только для русскаго народа, тысячу лѣтъ строившаго имперію. Размежеваніе поглотило бы усилія долгихъ поколѣній, было бы связано съ безчисленными войнами, съ уничтоженіемъ и переселеніемъ десятковъ милліоновъ людей; всѣ народности, населяющія Россію, были бы оравлены ядомъ взаимной ненависти, пути ихъ культурнаго развитія были бы неоправимо прещены и извращены.

Конечно, это гибельное размежеваніе посредствомъ истребленія можетъ быть избѣгнуто только въ томъ случаѣ, если новое,

послѣ-коммунистическое государство будетъ построено на идеѣ достаточно широкой и всеобщей, одинаково понятной и близкой асьмъ 185-ти национальностямъ. не менѣе универсальной, чѣмъ идея Бѣлаго царя, которой Россія держалась вѣками. Но кромѣ основной идеи, есть еще вопросъ государственной техники, безконечно сложный въ русскіихъ условіяхъ вопросъ организаціи сожительства націй. Способъ его рѣшенія посредствомъ дифференціаціи національностей и послѣдующаго механическаго ихъ сложения — тотъ способъ, на которомъ теоретически построенъ СССР, и который нерѣдко рекомендуютъ въ Европѣ — не только въ дѣйствительности никогда не былъ осуществленъ, но и по природѣ своей неосуществимъ. Единственный настоящій путь многонаціональнаго государства есть путь уничтоженія, а не воздвиженія национальныхъ границъ, его методъ — отдѣленіе национальныхъ проблемъ отъ территориально-административныхъ, и та глубина и широта самоуправленія, при которой языковые вопросы изъ сферы абстрактной переходятъ въ конкретную, перестаютъ быть объектомъ спортивно-политическихъ упражненій, становясь вопросами ежедневной практики, духовнаго комфорта*).

Прекрасно сознавалъ это — по крайней мѣрѣ въ свои лучшія минуты — одинъ изъ основоположниковъ украинскаго націонализ-

*). Другой взглядъ развитъ въ статьяхъ М. В. Вишняка, въ частности, въ статьѣ «Национальные вопросы въ СССР». — «Совр. Записки» № 35. — Ред.

ма, Драгомановъ. Въ его литературномъ наследствѣ, среди многихъ страницъ, испорченныхъ злобой или фантастикой, есть мѣста, представляющія собой и понятнѣ истинную программу будущаго строительства Россіи: «Наиболѣе отвѣчающимъ своему назначенію будетъ, если мы поведемъ борьбу... не на національной, а на государственно-административной основѣ, т. е. станемъ выдвигать на первый планъ необходимость мѣстной, областной автономіи общинъ, уѣздовъ, провинцій (губерній или ряда ихъ), а затѣмъ, если какая-нибудь община или область, пользуясь своимъ правомъ, организуетъ у себя школы съ извѣстнымъ національнымъ укладомъ, то это будетъ ея дѣло; главное, чтобы никто сверху не

имѣлъ права ей въ этомъ препятствовать. На такомъ порядкѣ, а совсѣмъ не на раздѣлѣ государства применительно къ его этнографической картѣ, держится національное равноправіе въ Швейцаріи. Въ этомъ и заключается подлинный, здоровый, всѣмъ выгодный федерализмъ, представляющей собой нѣчто совершенно иное, чѣмъ размѣнъ централизовъ и национальныхъ гегемоній на болѣе мелкую монету, что мы видимъ у различныхъ націоналистовъ» *).

Ю. К. Рапопортъ.

*) Мих. Драгомановъ. «Чудацькі думки про українську національну справу», 1891 (письмо къ галиційскимъ украинскимъ націоналистамъ).

Судьба Чехословакіи

Съ глубокой горечью, граничащей съ огненнымъ, приходится, въ свѣтѣ совершающихся событій, признать, что въ старой, дорогой намъ какъ вторая родина Европѣ грубая сила окончательно повторжествовала надъ остатками элементарной морали и права, которыми еще какъ-то до сихъ поръ регулировались совместная жизнь цивилизованныхъ націй.

Очередная жертва новаго варварства, Чехословакія, культурная и глубоко мирная страна, вѣрная союзница великихъ демократическихъ державъ, подвергшаяся нѣтъ не вызванному нападенію могущественнаго и жестокаго врага, — оставлена въ бѣдѣ своими друзьями. Катастрофа 21 сентября — прямое свѣдѣніе ей предшествовавшей моральной капитуля-

ціи передъ Гитлеромъ демократической Европы, санкціонированной готовившемся пасивіе. Англія и Франція не только не оказали въ этотъ день поддержки жертвѣ нападенія, но, изъ боязни быть самимъ вовлеченными въ вооруженный конфликтъ съ Германіей, все свое иліяніе въ Прагѣ употребили на то, чтобы заставить чехословацкое правительство подчиниться ультиматуму Гитлера. Подъ угрозой, что Чехословакія будетъ предоставлена ея собственной участи, въ завѣдомо при такихъ условіяхъ безнадежной борьбѣ съ десятикратно сильнѣйшимъ противникомъ, — чехословацкому правительству не оставалось ничего, какъ только принять ужасающія условія берхтесгаденскаго соглашения державъ съ Гитлеромъ: пой-